

В ПОИСКАХ ТРЕФОВОГО КОРОЛЯ: ОТ ЧЕРВОЙ ДВОЙКИ ДО БУБНОВОГО ТУЗА

(Особенности привязанности к объекту в эмоциональной сфере на примере поведения персонажей в пьесе Н.В. Гоголя «Женитьба» и в повести А. И. Куприна «Поединок»)

Валерий Мершавка

В этой статье я попробую сделать краткий экспресс-анализ так называемого «эмоционального мошенничества, которое встречается преимущественно у женщин (что вполне понятно, так как эмоциональная сфера у них развита гораздо лучше, чем у мужчин). Я постараюсь проследить истоки ригидной навязчивой одержимости, начиная с навязчивых сомнений и заканчивая общим навязчиво-одержимым стремлением в достижении поставленной цели, напряжение которой может достигать такого накала, который вызывает «временные срывы к чувственному состоянию» и, как следствие, симптоматичное импульсивное поведение. Эти три характерные разновидности женской навязчивой одержимости, скрытой за поверхностной эротичностью, очень хорошо различаются в двух произведениях русской классической литературы: «Женитьбе» Н.В. Гоголя и «Поединке» А.И. Куприна.

Сначала рассмотрим, как навязчивые сомнения одолевают женщину, которая никого не любит, но хочет выйти замуж и не прогадать, «поставив на тrefового короля». Но для этого ей сначала нужно его создать в своем воображении, причем, если это не получилось заранее, то приходится делать «на ходу», не мешкая, в ситуации здесь-и-теперь, когда женихи уже ждут за дверью, как это приходится делать невесте на выданье Агафье Тихоновне в пьесе Гоголя «Женитьба»:

Агафья Тихоновна: ...Чтобы и у меня был такой злой муж! Да ни за что не пойду за купца!... Не хочу! Не хочу! У него борода: станет есть, все потечет по бороде. Нет, нет, не хочу!

Право, такое затруднение — выбор! Если бы еще был один, два человека, а то четыре. Как хочешь, так и выбирай. Никанор Иванович недурен, хотя, конечно, худощав; Иван Кузьмич тоже недурен. Да если сказать правду, Иван Павлович тоже хоть и толст, а ведь очень видный мужчина. Прошу покорно, как тут быть? Балтазар Балтазарович опять мужчина с достоинствами. Уж как трудно решиться, так просто рассказать нельзя, как трудно! Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазар Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича — я бы тот час решилась. Положиться во всем на волю Божию: кто выкинется, тот и муж. Напишу их всех на бумажках, сверну в трубочки, да и пусть будет, что будет. *(Подходит к столику, вынимает оттуда ножницы и бумагу, нарезывает билетки и скатывает, продолжает говорить.)* Такое несчастное положение девицы, особливо еще влюбленной. Из мужчин никто не войдет в это, и даже просто не хотят понять этого. Вот они все, уж готовы! Остается только положить их в ридикюль, зажмурить глаза, да и пусть будет, что будет. *(Кладет билетки в ридикюль и мешает их рукою.)* Страшно... Ах если бы Бог дал, чтобы вынулся Никанор Иванович. Нет, отчего же он? Лучше уж Иван Кузьмич. Отчего же Иван Кузьмич? Чем же худы те, другие?.. Нет, нет, не хочу... Какой выберется, такой пусть и будет. *(Шарит рукою в ридикюле и вынимает вместо одного все.)* Ух! Все! Все вынулись! А сердце так и колотится! Нет, одного! Одного!

Неприменно одного! (*Кладет билетки в ридикюль и мешает.*) Ах, если бы вытянуть Балтазара... Что я! Хотела сказать Никанора Ивановича... Нет, не хочу, не хочу. Кого прикажет судьба!¹

В данном случае речь идет не о привязанности к конкретному объекту, а об одержимости целью его создания. Чтобы лучше понять характерологию симптома такого поведения, обратимся к психиатру и клиническому психологу Дэвиду Шапиро:

Еще одно психологическое ощущение дискомфорта одержимо-навязчивой личности связано... с процессом принятия решения. Среди всей деятельности, присущей этому стилю, эта процедура меньше всего соответствует данному стилю. ...Никакая сила воли нисколько не помогают такому человеку принять решение... Человека, страдающего навязчивой одержимостью, отличают не смешанные чувства, а их превосходная сбалансированность... Как только одержимо-навязчивая личность приближается к принятию решения, и баланс начинает смещаться в одну сторону, такой человек сразу же находит новый элемент, который восстанавливает равновесие. Иными словами, он уклоняется от принятия решения. И нет ничего удивительного в том, что ему приходится это делать. Для человека, которым управляет внешнее или внутреннее давление наряду с законами морали,... ощущение освобождения и свободного выбора должно быть крайне неприятным. При этом никто не может избежать принятия решений, и очень интересно наблюдать за процессом мышления, характерного для одержимо-навязчивой личности, помогающего ей пройти это испытание.²

И еще:

В таких обстоятельствах одержимо-навязчивая личность продолжает заниматься поисками авторитетного ответа, — то есть ответа, который точно ей объяснит, что нужно делать, а потому она пытается так переформулировать проблему, чтобы получить этот ответ. Таким образом, человек может попытаться представить проблему индивидуального выбора как объективную, техническую проблему, имеющую объективное, правильное решение. В надежде прийти к объективному, а значит, авторитетному ответу, он постарается добавить в нее все "за" и "против" решения, не допускающего количественного подхода, например, стоит или не стоит выходить замуж за конкретного человека. Он попытается найти фундаментальную основу или высшую цель, на базе которой сможет построить ту или иную альтернативу в качестве правильного подхода или решения. Он будет крайне доволен, если проблему выбора можно будет решить на основе принципа сохранения здоровья или экономии...³

Такое навязчивое стремление «слепить» в своем воображении образ «трефового короля» пока еще не относится к «эмоциональному мошенничеству». Такое мошенничество начинается с того момента, когда женщина старается «подогнать» реального мужчину под существующий у нее образ, не гнушаясь при этом ничем, чтобы потом к нему привязаться (как Раиса Петерсон) превратив его в свой объект, или, еще лучше, привязать этот объект к себе (как Александра Петровна) на то время, пока его можно использовать.

В дальнейшем мы попробуем проследить и, если получится, проанализировать такое развитие женской навязчивой одержимости в «эмоциональное мошенничество». Чтобы лучше понять, о чем и дет

¹ Н.В. Гоголь, «Женитьба», Собр. соч. в 7 т., т.4, сс. 107, 125-126 М. «Худ. Лит.», 1977.

² D. Shapiro, *Neurotic Styles*, pp. 23-54, Basics Books, NY, 1999.

³ *Ibid.*, pp. 78-102.

речь, сначала для наглядности рассмотрим пример, приведенный психиатром и клиническим психологом Дэвидом Шапиро:

Молодая женщина, бывшая «королева красоты», рассказывая о своем вчерашнем свидании, с сожалением призналась своему психотерапевту: «Вчера вечером мне опять пришлось исполнять свой номер. Обычно у меня три свидания в неделю с тремя разными мужчинами. При этом я каждому из них говорю: "Милый, я никогда раньше не встречала такого мужчину, как ты". И всякий раз ее слова оказывали на мужчин одинаковое воздействие: польщенный мужчина сразу становился ее истовым поклонником. Но тогда у нее сразу пропадал к нему всякий интерес, причем пропадал настолько, что исчезало желание встретиться с ним снова. «Так почему же, — спрашивает она, — так происходит?» Заранее у нее не возникает никаких подобных намерений. От такого поведения она не получает никакой пользы. Эта черта ее личности не нравится даже ей самой. Она знает, что «манипулирует» мужчинами, но с какой целью? Единственный результат, который она видит: мужчины превращаются в болванов.

Но в процессе дальнейшей беседы выясняется, что ее «номер» не ограничивается немногими явно импульсивными, «ненамеренными» замечаниями. Для таких встреч она готовила декорации, планировала вечер, тщательно подбирала себе наряд. А потом она вспомнила, смеясь, что всегда, встречая мужчину, она примеряется: к нему: насколько это будет «легкий» или, наоборот, «трудный» случай. Разумеется, трудные случаи ее привлекают больше.

Невозможно поверить, что «номер» этой женщины, согласно описанию ее собственного поведения, никак не отражает ее сознательного намерения; по существу, она как раз подтверждает наличие такого намерения, вспоминая о нем при описании конкретных свиданий (не только в приведенных выше случаях, но и в других тоже). Однако становится ясно, что ее поведение не управлялось сознанием в полном смысле слова. Оно диктовалось осознаваемой целью, но не было полностью отрефлексировано сознанием. Его цель была осознаваемой, но не сформулированной точно и конкретно.⁴

Чтобы лучше понять феномен характерную для него привязанность к стимулу, мы проведем достаточно подробный анализ значительной части повести А.И. Куприна «Поединок», а точнее — отношения главного персонажа этой повести подпоручика Ромашова с двумя женщинами: Раисой Петерсон и Шурочкой Николаевой, связь с которыми оказалось для него роковой. В обоих случаях субъектами действия являются женщинами, а объектом их привязанности (пусть временной) является Ромашов. При этом в обоих случаях любая его попытка стать субъектом действия немедленно вызывает конфликт, возвращает Ромашова в положение объекта и в конечном счете приводит его к смерти. Я назвал это явление «эмоциональным мошенничеством», так как чисто внешне привязанность женщины субъекта к такому мужчине-объекту привязанность шулера к ситуации обыгрывания «лоха» с помощью крапленой колоды карт. При этом в одном случае в этой привязанности полностью отсутствует эротическая связь (ее заменяет ее внешнее обозначение), либо во втором случае она используется женщиной в своих амбициозных целях. Поэтому личности обеих женщин никак нельзя назвать импульсивными, и в этом их кардинальное психологическое отличие от пассивной реактивности карточного шулера. Одна из них стремится любой ценой сохранить отношения с объектом, другая — использовать отношения с объектом в своих целях. А это

⁴ D. Shapiro, «Autonomy and Rigid Character», p. 23-24, Basic Books, NY, 1981.

значит, что в том и в другом случае действия женщин являются целенаправленными и намеренными, направленными на то, чтобы избежать ощущения дискомфорта. Мы гораздо лучше поймем, о чем идет речь, если обратимся к конкретным примерам — фрагментам повести:

Милый, дорогой, усатенький Жоржик. Ты не был у нас уже целую неделю, и я так за тобой скучилась, что всю прошлую ночь проплакала. Помни одно, что если ты хочешь со меня смеяться, то я этой измены не перенесу. Один глоток с пузырька с морфием, и я перестану навек страдать, а тебя сгрызет совесть...⁵

Этот приторный запах, вместе с пошло-игривым тоном письма, вместе с выплывшим в воображении рыжеволосым, маленьким, лживым лицом вдруг поднял в Ромашове нестерпимое отвращение.⁶

— Пойдите, вы с ней еще увидите мои когти. Я раскрою глаза этому дураку Николаеву, которого она третий год не может пропихнуть в академию... Да и то сказать, поклонник же у нее!..

— Отчего же нам не расстаться миролюбиво, тихо? — спросил Ромашов... Он чувствовал, что эта женщина вселяет в него вместе с отвращением какую-то мелкую, гнусную, но непобедимую трусость...

— А-а! Вы мне хотите зубы заговаривать? Не беспокойтесь, мой милый, — я не из тех, кого бросают. Я сама бросаю, когда захочу. Но я не могу достаточно надивиться на вашу низость... Да, когда я этого захочу. Вы подло обманывали меня. Я пожертвовала для вас всем, что может отдать честная женщина... Для вас я забыла обязанности жены и матери. О, зачем, зачем я не осталась верной ему!

Ромашов не мог удержаться от улыбки. Ее многочисленные романы со всеми молодыми офицерами, приезжавшими на службу, были прекрасно известны в полку... Ему теперь вспомнились выражения вроде: «мой дурак», «этот презренный человек», «этот болван, который вечно торчит» и другие не менее сильные выражения, которые расточала Раиса... о своем муже.

— А! Вы еще имеете наглость смеяться? Хорошо же! — вспыхнула Раиса. — Я этого не прошу вам. Слышите ли, никогда! Я знаю, почему вы так подло, так низко хотите уйти от меня. Так не будет же того, что вы затеяли, не будет, не будет!...⁷

Одержимо-навязчивая привязанность к объекту, которая, как уже говорилось, внешне носит «любовный», сексуальный характер, по существу основывается на навязчивом стремлении женщины любой ценой удержать значимый для нее объект («Жоржика»), даже ценой запугивания, шантажа и мести. Это привязанность женщины к ситуации, не желающей ничего менять и никого терять. Фактически, для нее вместе с исключением объекта привязанности разрушается ситуация, к которой она привыкла. Объект, с которым произошло слияние ее «Я», стал проявлять самостоятельность и превращаться в квази-автономного субъекта. И тогда на это поведение немедленно следует ответная реакция, вызванная тревогой женщины и вызывающая тревогу у «возмутителя спокойствия». Как мы знаем, этот шантаж одной «роковой женщины» в жизни Ромашова сыграет свою роль, и уже другая «роковая женщина», которой потребуется изменить свою жизнь, снова превратит мнимого «субъекта действия» в объект, которому будет предназначено

⁵ А. Куприн, «Поединок», Собр. соч. в 6 т., т.2, с.290, М. «Худ. Лит.», 1994.

⁶ Там же, с. 291.

⁷ Там же, сс. 350-351.

стать жертвой в ее сценарии. Но об этом позже. А сейчас очень важно узнать комментарий Дэвида Шапиро:

Чтобы лучше понять этот феномен, нужно внимательно рассмотреть определенные аспекты сущности невротической личности. Невроз так или иначе ограничивает чувство субъекта. ... В этом отношении невротические установки и способы мышления выполняют функции, которые психоанализ традиционно относил к различным защитным механизмам Чувства и мотивации, конфликтные по отношению к установкам невротической личности и вызывающее ощущение дискомфорта, включают компенсаторные реакции, связанные с этими установками, снижающие интенсивность ощущения, вызывающего дискомфорт, или устраняющие его вообще. Функция защиты при неврозе включает в себя способы сохранения своего стабильного состояния уже сформировавшейся невротической личности.⁸

Итак, Раиса Александровна заинтересована только в том, чтобы сохранить статус-кво. Любые изменения ситуации, причиной которых является «Жоржик» вызывают у нее защитную тревогу, которая переходит в раздражение и злость, а затем, когда ей не удалось сразу вернуть ситуацию, — месть. Ригидная личность осталась без объекта, с которым соединилась часть ее «Я». Поэтому у нее с высокой интенсивностью проявляются все аффекты, которые ранее были подавлены. Здесь уместно заметить, что поведение ригидной Раисы Петерсон, «брошенной» своим «Жоржиком», по своему эмоциональному накалу напоминает поведение импульсивного Ихорева, карточного шулера из пьесы Гоголя «Игроки»⁹, которого «кинули» его «союзники». Это сходство служит прекрасной иллюстрацией возможности одинакового симптоматичного поведения людей с полярной невротической характерологией.

Однако есть и другая, не менее навязчивая, но более «активная» привязанность к ситуации ригидной женщины, которая ставит перед собой цель и делает все возможное, чтобы изменить ситуацию **любой ценой**. В повести Куприна такой женщиной является Шурочка Николаева.

Вообще, перед тем, как перейти к психологическому анализу личности этой женщины, обратим свое внимание на имена главных персонажей повести. Несомненно, и здесь тоже они являются говорящими:

Ромашов (Ромочка) Юрий (труженик) Алексеевич (защитник людей) — скорее всего это имя с немалой долей иронии ассоциируется с Ромео. Чего стоит фраза, которую сердито бросает своему бывшему «Ромочке» Александра Петровна, когда развязка становится совсем близкой: «Ромео и Джульетты смешны, если они происходят в пехотном армейском полку». Это действительно так, поэтому «Ромео» так и не нашел в «жульетте» Джульетту.

Александра Петровна Николаева — очень интересное имя. Александра — в переводе с греческого языка — защитница людей, Петр (гр.) — камень, Николаева — ассоциируется с именем греческой богини победы Ники.

Раиса Александровна Петерсон — в переводе с греческого языка: Раиса покорная, уступчивая (снова ирония) Александровна (защитница людей), Петерсон — фамилия, производная от имени Петр (камень). То есть «Ромео» уходит от «каменно-уступчивой и покорной защитницы людей» к «каменно-

⁸ D. Shapiro, «Autonomy and Rigid Character», p. 23-24.

⁹ См. мою статью «Розыгрыш».

победной защитнице», которая и убивает его руками своего мужа, Николаева Владимира Ефимовича (т.е. «благодушного победителя, владеющего миром, т.е. ситуацией»).

И, наконец, Назанский — скорее всего производное от английского слова *nascent* — рожденный, первенец, т.е. «проба любовного пера» Александры Петровны.

А теперь рассмотрим подробнее, как развиваются отношения Александры Петровны с Ромашовым и, где потребуется, дадим короткие комментарии. Право, они того стоят.

... Два раза с позором возвращались в полк. Теперь уж в последний (раз ее муж поступает в академию).

— Не болтай глупостей, Шурочка! Я сказал: выдержу — и выдержу. — Он крепко стукнул ребром ладони по столу... Я сказал!

— Я сказал! — передразнила его жена и тоже, как и он, ударила маленькой смуглой ладонью по колену. А ты вот лучше скажи, каким условиям должен удовлетворять боевой порядок части... — Я ведь лучше него тактику знаю. Ну-ка, Володя, офицер генерального штаба, — каким условиям?

— Постой, девочка, а ведь я и в самом деле не все помню. Боевой порядок? Боевой порядок должен быть так построен, чтобы он как можно меньше терял от огня, потом, чтобы было удобно командовать... Потом... постой...

— За постой деньги платят, — торжествующе перебила Шурочка.

И она заговорила скороговоркой, **точно первая ученица***, опустив веки и покачиваясь:

— Боевой порядок должен удовлетворять следующим условиям: поворотливости, подвижности, гибкости, удобству командования, приспособляемости к местности; он должен возможно меньше терпеть от огня, легко свертываться и развертываться и быстро переходить в походный порядок... Все!... и, обратив смеющееся, **подвижное лицо** к Ромашову, спросила:

— Хорошо?

— Черт знает, **какая память!** — завистливо, но с восхищением произнес Николаев...

— **Мы ведь все вместе,** — пояснила Шурочка, — **Я бы хоть сейчас выдержала экзамен.** Самое главное, — **она ударила по воздуху вязальным крючком, — система. Наша система — это мое изобретение, моя гордость.** Ежедневно мы проходи кусок из математики, кусок из военных наук — **вот артиллерия, мне, правда, не дается: все какие-то противные формулы, особенно в баллистике,** — потом кусочек из уставов. Затем через день оба языка и через день география с историей.¹⁰

Александра Петровна — нарциссическая личность, обладающая прекрасной памятью. Ее мимика и жестикация всегда аффективны и выразительны; освоившись в ситуации (два провала в академии и один промах с Назанским), она изобретательна, но при этом **имеет серьезные проблемы, связанные с отсутствием технических знаний** («артиллерия, мне, правда, не дается: все какие-то противные формулы, особенно в баллистике»), поэтому несмотря на свою нескрываемую намеренность и крайнюю целеустремленность, иногда ее ригидность «дает сбой», и она регрессирует к импульсивному поведению. Это подтверждается множеством примеров, и мы обязательно обратим внимание на эти резкие «переключения в поведении» и «сбои в ее ригидной программе», но сейчас мне хотелось бы обратить внимание на один, более общий феномен. Для этого нам придется к невротической

* Здесь и далее выделено мной — В.М.

¹⁰ А. Куприн, «Поединок», с. 297.

характерологии Дэвида Шапиро добавить типологию психологических функций Юнга¹¹. И тогда мы увидим, что в невротической привязанности к внешнему стимулу, как правило, участвует **подчиненная функция**: у импульсивных мужчин — это эмоционально нагруженные действия; у ригидных женщин — это мышление и связанные с ним намеренные, конкретные действия. Основные же психологические функции (как правило, это мышление у мужчин и чувствование у женщин) действуют в стабильной ситуации, способствуя ее сохранению. Но как только эта ситуация начинает изменяться под влиянием внешних обстоятельств и выходить у них из-под контроля, т.е. основные психологические функции с ней уже не справляются, так оказываются недостаточно сильными или развитыми, — тогда происходит смешение основной и подчиненной функцией, а в поведении невротической личности это смешение приводит к «эмоциональным взрывам» вытесненных эмоций у мужчин и к «невольному» проговариванию своих скрытых мыслей и намерений женщинами, у которых подчиненная мыслительная функция становится нагруженной эмоционально, и происходит «эмоциональный срыв», который часто проявляется в виде вербализации скрытых намерений. Такое поведение очень характерно для Александры Петровны Николаевой, которая поставила на карту все, чтобы изменить ситуацию, поэтому постоянно находится в напряжении, и такие «срывы» и «переключения» у нее происходят очень часто, в особенности при общении с объектом «Ромочкой», в которого практически сразу превратился объект «Жоржик». Именно в этих частных «срывах» и «переключениях» и заключается импульсивность Александры Петровны. Послушаем ее:

— Я же не могу, не могу здесь оставаться, Ромочка, поймите меня! Остаться здесь — значит, опуститься, стать полковой дамой, ходить на ваши дикие вечера, сплетничать, интриговать и злиться по поводу разных суточных и прогонных... каких-то грошей!... Бррр... Поймите же, милый Ромочка, что мне нужно общество, большое настоящее общество, свет музыка, поклонение, тонкая лесть, умные собеседники. Володя (муж — В.М.) пороку не выдумает, но он честный, смелый, трудолюбивый человек. Пусть он только пройдет в генеральный штаб, и — клянусь — **я ему сделаю блестящую карьеру**. Я знаю языки, я сумею держать себя в каком угодно обществе, **во мне есть** — я не знаю, как это выразить, — **есть такая гибкость души, что я всюду найдусь, ко всему сумею приспособиться**. Наконец, Ромочка,.. неужели я уж так неинтересна как человек и некрасива как женщина, чтобы мне всю жизнь киснуть в этой трущобе, в этом гадком местечке, которого нет ни на одной географической карте!

И она, поспешно закрыв лицо платком, вдруг **расплакалась злыми, самолюбивыми, гордыми слезами**.¹²

У нас нет оснований ей не верить, в том что «...есть у [нее] такая гибкость души, что [она] всюду найдет, ко всему сумеет приспособиться», чтобы добиться поставленной перед собой цели.

— Вы не читали в газетах об офицерском поединке? — спросила вдруг Шурочка...

Но дальше идет чепуха и глупость. Условия (поединка) — прямо вроде смертной казни: пятнадцать шагов дистанции и драться до тяжелой раны... Если

¹¹ К.Г. Юнг, «Психологические типы», М., «Прогресс-Универс», 1995.

¹² Там же, сс. 297-298.

оба противника стоят на ногах, выстрелы возобновляются. Но ведь это бойня, это... я не знаю что! Но, погодите, это только цветочки... Ведь это ужас, Ромочка! **И несчастный подпоручик, фендрик, как говорит Володя, вроде вас, да еще вдобавок обиженный, а не обидчик, получает после третьего выстрела в живот и к вечеру умирает в мучениях...**¹³ И вот поверьте мне, поверьте! — воскликнула Шурочка, сверкая загоревшимися глазами, — сейчас же сентиментальные противники офицерских дуэлей, — о, я знаю этих либеральных трусов! — сейчас же они загалдят: «Ах, варварство! Ах, пережитки диких времен! Ах, братоубийство!»

— Однако вы кровожадны, Александра Петровна, — вставил Ромашов.

— Не кровожадна, нет! — резко возразила она. — **Я жалостлива. Я жучка', который мне щекочет шею, сниму и постараюсь не сделать ему больно. Но попробуйте понять, Ромашов, здесь есть простая логика. Для чего офицеры? Для войны. Что для войны раньше всего требуется? Смелость, гордость, умение не сморгнуть перед смертью. Где эти качества лучше всего проявляются в мирное время? В дуэлях. Вот и все. Кажется ясно.**¹⁴

Очень хорошо ясно. А станет еще яснее, если мы увидим, как «переключается» Александра Петровна с «эмоций» на «логику», так как психологически она уже готова реализовать сценарий дуэли в своих целях. То есть, образом, «импульсивная ригидность» Александры Петровны (если можно так выразиться), позволяет ей создать и реализовать нужный сценарий и ловко манипулировать включенными ею объектами-мужчинами (на одного из которых она сделала ставку, а остальных использует как средства для достижения цели). Эта манипулятивная деятельность активной, целеустремленной женщины очень похожа на деятельность карточного шулера, который по известному только ему сценарию обыгрывает наивных лохов. И в том, и в другом случае события разворачиваются по аморальному сценарию невротической личности, которая эмоционально привязывает к себе нужные для нее объекты в ситуации здесь-и-теперь. Разница заключается лишь в том, что для достижения своей цели шулер использует страсть «лохов» к карточной игре, а «роковая» женщина — рыцарские чувства, обожание и жертвенную страсть влюбленных в нее «фендриков». Именно такое близкое сходство в симптоматичном стремлении привязать и использовать объект в каждом из этих случаев позволяет назвать такое поведение женщины «эмоциональным мошенничеством».

— Ваш Назанский — противный! — с озлоблением, сдержанным низким голосом сказала Шурочка. — Если бы от меня зависело, я бы таких людей стреляла, как бешеных собак. Такие офицеры — позор для полка, мерзость.¹⁵

Откуда у такой милой женщины столько злости на Назанского? Ответ на этот вопрос продвинет нас в понимании психологии Шурочки Николаевой, импульсивной, нарциссической психопатической личности, которая ничем не побрезгует, чтобы извлечь нужную для нее выгоду в ситуации здесь-и-теперь. А вот что говорит о ней сам Назанский:

Пожалуй, она никогда и никого не любила, кроме себя. В ней пропасть властолюбия, какая-то злая и гордая сила. И в то же время она — такая добрая,

¹³ Там же, с 298.

¹⁴ Там же, с 299.

¹⁵ Там же, с 302.

женственная и бесконечно милая. Точно в ней два человека: один — с сухим, эгоистичным умом, другой — с нежным и страстным сердцем...¹⁶

К сожалению, Назанский ошибся тогда и продолжает пребывать в своем заблуждении. В Александре Петровне не «два разных человека», а отмеченная нами импульсивность, вызванная «эмоциональными срывами» и переключениями». Просто, как говорит она сама, «во мне есть... такая гибкость души, что я всюду найдусь, ко всему сумею приспособиться», то есть, эта импульсивная личность чрезвычайно адаптивна к любой ситуации. Сначала она решила «поставить на Назанского» и «полюбила его», но тот оказался «слабым» и не оправдал ее надежд:

...Я не хочу, чтобы вы питались милостыней сострадания и собачьей преданности. А другим вы быть не можете, несмотря на весь ваш ум и прекрасную душу. Скажите **честно, искренно**, ведь не можете? Ах, дорогой Василий Нильч, если бы вы могли! К вам стремится все мое сердце, все мои желания, я люблю вас. Но вы сами не захотели меня. Ведь для любимого человека можно перевернуть весь мир, а я вас просила так о немногом. Вы не можете?

Прощайте. Мысленно целую вас в лоб... как покойника, потому что вы умерли для меня...¹⁷

Вот так, ни много ни мало: «вы умерли для меня». К счастью для Назанского, он **сразу** оказался слабым, «неподходящим объектом» для Шурочки, чтобы она могла вписать его в свой сценарий. Поэтому «рыцарь» Назанский превратился в запойного пьяницу, а для Шурочки остался воплощением ее неудачи и напрасно потраченных усилий «в любви». Ромашов оказался более настойчив в своем самообмане и самопожертвовании, т.е. в том, чтобы стать для «любимой женщины» средством достижения ее целей, и ему повезло меньше: она вписала его в свой сценарий с дуэлью. Неслучайно Александра Петровна ему внушает: «Только помните, **мы с вами не церемонимся**». И эту мысль она будет внушать ему постоянно, согласно своему «мошенническому» сценарию. Но, как мы уже знаем, Александра Петровна — способная ученица. Прочитав статью о дуэлях, она поняла, что и «слабых», т.е. влюбленных в нее мужчин, «фендриков», можно использовать: но не как цель, а только как средства и «уже не церемониться с ними», как с Назанским. «Фендрик» или «лох» нужен лишь тогда, когда его можно использовать. Потом для карточного шулера и «роковой женщины», иначе говоря, эмоциональной мошенницы, он просто перестает существовать и «умирает»: иногда символически, а иногда — нет (кто-то стреляется сам, кого-то убивают на дуэли). В любом случае сценарий разыгран, цель мошенника (или мошенницы) достигнута, ситуация изменяется, сценарий подходит к концу и вместе с ним «кончаются» жертвы, использованные для достижения цели — «лохи» и «фендрики».

Чтобы понять мотивацию такого поведения Александры Петровны, лучше вспомнить мстительную и злобную «отповедь» Раисы Петерсон, пущенную вдогонку бывшему «Жоржику» и будущему «Ромочке». Эта отповедь содержит важные психологические факты:

¹⁶ Там же, с 313.

¹⁷ Там же, с 314.

— Я знаю все интриги этой женщины, — этой лилипутки, — продолжала Раиса, — Только напрасно она так много о себе воображает! Что она **дочь проворовавшегося нотариуса**... Да, да, **у нее отец проворовался**, ей нечего подымать нос! — кричала Петерсон. — Скажите, пожалуйста, она нам неглижирует. Мы и про нее тоже кое-что знаем! Да!¹⁸

Вполне возможно, что на ее мотивация, да и на вся ее психология сформировалась под влиянием проворовавшегося мошенника-отца, и ее «гибкость души» (которую точнее было бы назвать «душевной аморфностью») и приспособленчество в сочетании с женским кокетством формируют ту гремучую смесь, которая становится такой притягательной и для амбициозных «дураков» типа ее мужа, которые знают ей цену, и для «фендриков» типа Назанского и Ромашова, которым знает цену она. Обладая этой огромной силой эмоционального мошенничества, обусловленного аморальной «импульсивной ригидностью» и отлично умея ее использовать, Шурочка ищет «сильного» и амбициозного мужчину поумнее ее мужа, который «вытащил бы ее наверх». (Кстати, точно такая же установка, только менее циничная и более прикрытая романтизмом, характерна для Татьяны Лариной.) Как только Шурочка поставила на «трефового короля» (к сожалению, в гарнизоне, кроме ее глупого мужа, ей найти никого не удалось), «валеты» для нее либо не существуют, либо «уже умерли», либо тут же «без церемоний» используются по назначению.

Она взяла обе руки его руки и крепко сжимала их, глядя ему прямо в глаза. В этом взгляде было опять что-то совершенно незнакомое Ромашову — какая-то ласкающая нежность, и пристальность, и беспокойство, а еще дальше, в загадочной глубине синих зрачков, таилось что-то странное, недоступное пониманию, говорящее на самом скрытом, темном языке души.¹⁹

Таково «эмоциональное мошенничество» Шурочки. Николаевы уже получили подметное письмо от Петерсон, и теперь ее одержимонавязчивая личность сразу начинает создавать сценарий жертвоприношения «фендрика Ромочки». И «ласкающая нежность, и пристальность, и беспокойство, и загадочность темной души», которые «совершенно незнакомы Ромашову», начинают работать для подготовки к закланию этой жертвы. Но, к счастью, для «Ромочки» он никогда об этом не узнает. Он погибнет «рыцарем», спасающим, к сожалению, не честь, а честолюбие дочери проворовавшегося нотариуса. Чтобы понять психологический механизм этого феномена, снова предоставим слово Дэвиду Шапиро:

Невротические установки и образ мышления, развившись в реакции избегания или самозащиты на определенные виды конфликта или дискомфорта, затем создают препятствия полному осознанному ощущению некоторых видов эмоций и мотиваций, связанных с конфликтом или дискомфортом. Сопротивление вызывает не только осознанное ощущение конкретных воспоминаний, чувств или желаний, но и целые области субъективных ощущений человека, вступающие в конфликт с этими установками. Таким образом, осторожные и защитные установки ригидной личности препятствуют полному осознанному развитию

¹⁸ Там же, сс. 349-350.

¹⁹ Там же, с 382.

некоторых видов эмоционального ощущения. Например, появление у такой личности чувства симпатии и восхищения другим человеком может сразу вызвать ощущение слабости и податливости; и в свою очередь это ощущение приведет к реактивному усилению осторожности и снижению интенсивности начальной эмоции.

Но такой процесс не обязательно развивается в полной мере. Возможно даже, что он никогда не будет полным. Он может снизить интенсивность полностью осознанного развития чувства или его затормозить, может быть, даже вообще исключить его любое дальнейшее осознание, но этот процесс вряд ли сможет полностью уничтожить интерес или чувство.²⁰

— ...Не думайте сегодня об этом... Неужели вам не довольно, что я **все время стерегла**, как вы проедете. **Я ведь знаю, какой вы трусишка**. Не смейте на меня так глядеть!²¹

И далее:

— Ну, довольно... Ромочка неловкий, опять вы не целуете рук! Вот так. Теперь другую. Так. Умница. Идемте. Не забудьте же, — проговорила она горячим шепотом, — сегодня наш день (именин — В.М.). Царица Александра и ее рыцарь Георгий. Слышите? Идемте.²²

— Я не люблю этих провинциальных пикников, в них есть что-то мелочное и пошлое... Правда, **это нужно было сделать для мужа**, перед отъездом, но Боже, как все это глупо!... И все-таки, не знаю почему, я сегодня счастлива. Господи, как я счастлива! Нет, Ромочка, милый, я знаю почему, и я **вам потом скажу... Я скажу...** Ах, нет, нет, Ромочка, я ничего, ничего не знаю.²³

На этом фрагменте наглядно показана внутренняя конкуренция двух разных составляющих импульсивной личности. Видимо, какая-то толика нет, не любви, обычной человечности, оставшейся у Александры Петровны, вызывает у нее импульсивную истерическую реакцию и чуть не заставила ее проговориться о своем сценарии. Но эмоционально-нейтральная психопатическая составляющая берет верх, и она замолкает... до последней ночи Ромашова («Я вам говорю, что не знаю. Я не знаю... И у меня какое-то чудесное голубое настроение, голубая радость! Налейте мне еще вина, Ромочка, мой милый мальчик...»²⁴)

...Во всем ее лице было что-то манящее, и обещающее, и мучительно-нетерпеливое. Оно стало бесстыдно-прекрасным, и Ромашов, еще не понимая, чувствовал на себе страстное волнение, овладевшее Шурочкой...²⁵

Знал бы «Ромочка», с чем связано волнение его возлюбленной... Впрочем, тогда это был бы уже не Ромочка, и не Жоржик, а, например, Юрий Алексеевич или подпоручик Ромашов, или даже просто господин подпоручик... Но нет, судьба распорядилась иначе, и «Жоржик» и «Ромочка» так и не успел стать господином подпоручиком.

— Милый Ромочка! Милый, добрый, трусливый, милый Ромочка. Я ведь вам сказала, что этот день наш. Не думайте ни о чем, Ромочка. Знаете, отчего я

²⁰ D. Shapiro, «Autonomy and Rigid Character», p. 23-24.

²¹ А. Куприн, «Поединок», с. 382.

²² Там же.

²³ Там же, с. 387.

²⁴ Там же, с. 388.

²⁵ Там же, с. 387.

сегодня такая смелая? Нет? Не знаете? Я в вас влюблена сегодня. Нет, нет, не воображайте, это завтра же пройдет...²⁶

Нетрудно сказать, что в данный момент превалирует в импульсивном поведении Шурочки: намеренное действие по заранее придуманному сценарию, или «эмоциональная откровенность» — в совокупности они проявляются как «эмоциональное мошенничество». И «честные» супруги Николаевы остаются до конца верны своему обещанию: «не церемониться» с Ромашовым.

— Ромочка, зачем вы такой... слабый! Я не хочу скрывать, меня влечет к вам, вы мне милы всем: своей неловкостью, своей чистотой, своей нежностью. Я не скажу вам, что я вас люблю, но... я чувствую вас... Меня волнует ваша близость и ваши прикосновения. Но зачем вы такой жалкий! Ведь жалость — сестра презрения. Подумайте, я не могу уважать вас. О, если бы вы были сильный!... Если бы вы могли завоевать себе большое имя, положение... Верю, что вы хотите, голубчик, верю, но вы ничего не сделаете. Я знаю, что нет. О, если бы я хоть чуть-чуть надеялась на вас, я бросила бы все и пошла за вами. Ах, Ромочка, славный мой... Мы понимаем друг друга с полунамека, с полуслова, даже без слов, одной душой. И вот я должна отказаться от тебя. Это уже второй раз в моей жизни.²⁷

Это звучит, как репетиция некролога. А дальше, откровенно до парадоксальности, Александра Петровна цинично объясняет ничего не понимающему «Ромочке», кому и за что она его приносит в жертву:

— Я своего мужа не люблю... Он груб, он нечуток, неделикатен. Ах, — это стыдно говорить, но мы, женщины, никогда не забываем первого насилия над нами...

— Скажи мне... Прошу тебя. Ты ведь сама говоришь, что не любишь его... Зачем же вы вместе?...

Но она резко приподнялась с земли, села и нервно провела руками по лбу и по щекам, точно просыпаясь.

— Однако поздно. Пойдемте. Еще начнут разыскивать, пожалуй, — сказала она **другим, совершенно спокойным голосом**...

— Прощай! — вдруг воскликнула она звенящим голосом. — Прощай, мое счастье, мое недолгое счастье!²⁸

Это уже не некролог, а похоронный вопль прощания. В этот момент «Ромочка» уже «мертвее» для Александры Петровны, чем Назанский. Но прежде, чем погибнуть, Ромашову нужно еще отыграть в сценарии Александры Петровны одну важную отведенную для него роль, в которую она его введет прямо перед смертью, в его последнюю ночь.

Потом она с усилием освободилась из его рук и **сказала твердо**:

— **Прощай. Довольно.** Теперь пойдём.

Ромашов упал перед ней на траву, почти лег, обнял ее ноги и стал целовать ее колени долгими и крепкими поцелуями.

— Саша, Сашенька! — лепетал он бессмысленно. — Отчего ты не хочешь отдаться мне? Отчего? Отдайся мне!..

— **Пойдем, пойдём, — торопила она его.** — Да встаньте же, **Георгий Алексеевич.** Нас хватятся. Пойдемте.

²⁶ Там же, с. 392.

²⁷ Там же, сс. 396-97.

²⁸ Там же, с. 396.

Они пошли по тому направлению, где слышались голоса. У Ромашова подгибались и дрожали ноги и било в виски. Он шатался на ходу.

— **Я не хочу обмана**, — говорила и еще задышалась Шурочка, — **впрочем, нет, я выше обмана**, но я не хочу трусости. В обмане же — всегда трусость. Я тебе скажу правду: я мужу никогда не изменяла и не изменю ему до тех пор, пока не брошу его почему-нибудь...²⁹

Обманывать Шурочка может; точнее, она не может не обманывать. С другой стороны, разве считается изменой близость с человеком, которого можно считать покойником. В-третьих, здесь мы снова видим типичное проявление ее «импульсивно-ригидного» поведение, в котором холодная намеренность сменяется временным «эмоциональным срывом». К тому же ее измена целесообразна, ибо тогда «Ромочка» обязательно должен стать покойником, иначе всему гарнизону станет ясно ее отношение к мужу. А это для супругов-«победителей» означает полный крах. Поэтому она отдастся «покойному» для нее Ромашову, чтобы довести до конца свой одержимо-мошеннический сценарий. Но его завершение требует еще немного времени, усилий и подготовки «объекта». Поэтому Шурочка остается в напряжении: она одновременно строга и чрезвычайно любвеобильна с уже «покойным» для нее Ромочкой.

— ...Но я не хочу трусости, не хочу тайного воровства. И потом... подожди... я скажу тебе на ухо, это стыдно... потом — я не хочу ребенка. Фу, какая гадость!...

Ромашов с недоумением посмотрел на нее.

— Но ведь у вас муж... Это же неизбежно, — сказал он нерешительно.

Шурочка громко рассмеялась. В этом смехе было **что-то инстинктивно-неприятное, от чего пахнуло холодком** в душу Ромашова.

— Ромочка... Ой-ой-ой, какой же вы глупы-ый! — протянула она знакомым Ромашову детским голосом. — Неужели вы этих вещей не понимаете?... Ну и Бог с вами, и не нужно. Какой вы чистый, чистый Ромочка! Ну, так вот, когда вы вырастаете, то вы наверно вспомните мои слова: **что возможно с мужем, то невозможно с любимым человеком**. Ах, да не думайте, пожалуйста, об этом. Это гадко — но что же поделаешь.³⁰

Какой степени эмоциональной холодности нужно обладать, чтобы говорить эти слова и одновременно реализовывать сценарий, который оставит «Ромочку» «вечно молодым». Столь же хладнокровно карточный шулер вынуждает лоха подписывать долговой вексель на все его имущество. Но шулер все же обманывает живого человека; Ромашов для Шурочки — уже труп. Поэтому она может говорить ему все, что захочет, лишь бы он не сорвался у нее с крючка и испортил ей сценарий:

— Ну, а если я возьму себя в руки? — спросил Ромашов. — Если я достигну того же, чего хочет твой муж, или еще большего? Тогда?

— Тогда — да. Да, да, да...

— Ромочка, теперь **последнее**, — сказала Александра Петровна **торопливо, но с печалью и тревогой в голосе**. — Я не хотела вам портить вечер и не говорила. Слушайте, вы не должны больше у нас бывать.

Он остановился изумленный, растерянный.

— Почему же! О Саща!..

— Идите, идите... Я не знаю, кто это делает, но мужа досаждают анонимными письмами. Он мне не показывал, а только исподволь говорил об

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, сс. 396-97.

этом. Пишут какую-то грязную площадную гадость про меня и про вас. Словом, прошу вас, не ходите к нам.³¹

«...Не ходите к нам», — говорит Шурочка «Ромочке» в последнюю минуту, а до этого, пренебрегая всякими приличиями, делает все, чтобы его привлечь. Она «не хотела портить ему вечер», а в действительности делала все, чтобы потом фрустрировать влюбленного «Ромочку», максимально его возбудить и настроить против мужа. Финал сценария уже ею создан, и теперь нужно психологически подготовить к нему «Ромочку», привязав его к себе эмоционально так, как шулер привязывает лоха к крапленой колоде карт.

И, наконец, самое страшное: прощание с наивным и уже «мертвым» для нее «Ромочкой». Убийца прощается с влюбленным в нее «фендриком», труп которого она, дочь проворовавшегося нотариуса, кладет в основу своего будущего благополучия, мстя этим благополучием всем «слабым» мужчинам и первому — своему отцу.

В современных криминальных сериалах мы неоднократно можем увидеть сцены в криминальной среде, когда одни убийцы с улыбкой уничтожают других, которые на них работали, но оказались не нужны. Еще более утонченное вероломство мы можем найти и в истории европейского средневековья. И несмотря на все это, психологический анализ патологической личности образа Александры Петровны несет в себе какую-то особую тяжесть. Наверное, потому, что самый резкий аромат духов не может заглушить приторного сладковатого запаха трупного яда, который начинает ощущаться сразу, едва становится понятен ее сценарий со ставкой на трэфового короля, имея «в прикупе» двойку червей и бубнового туза.

Да, я знаю, что ни вы, ни он не назвали моего имени, но **ваше рыцарство пропало понапрасну**: все равно по городу катится сплетня.

— Простите меня, я не владел собой... Меня ослепила ревность, — с трудом произнес Ромашов.

Она засмеялась **коротким и злым смешком**... Она вдруг заговорила громче, **решительным и суровым шепотом**:

— Слушайте, Георгий Алексеевич, **мне дорога каждая минута**. Я и то ждала вас около часа. **Поэтому будем говорить коротко и только о деле**. Вы знаете, что такое для меня Володя... **У меня больше самолюбия, чем у него**... **Вся эта мысль о генеральном штабе принадлежит мне одной, целиком мне**. Я тянула мужа изо всех сил, подхлестывала его, репетировала, взвинчивала его гордость, ободряла его в минуту уныния. **Это — мое собственное, любимое, больное дело**. Я не могу **оторвать от этой мысли своего сердца**. Чтобы там ни было, он поступит в академию.

Он спросил с горестным недоумением:

— Что же я могу сделать?

— ...Если ты его убьешь или его отстранят от экзаменов... Я надругаюсь над собой, но сгорю в один момент и ярко, как фейерверк.

— Не говори так,.. не надо... мне больно, — произнес он печально. — Ну. Хочешь, я завтра откажусь от поединка, извинюсь перед ним? Сделать это?...

— Нет, нет, нет, нет, — заговорила она **горячим, поспешным умоляющим шепотом**.... Ты меня не понял. Иди ко мне ближе... **как раньше**... Иди же!... **У меня совсем другое**. Но мне стыдно перед тобой. Ты такой чистый, добрый, и я стесняюсь говорить тебе об этом. **Я расчетливая, я гадкая**...

— Но говори все. Я тебя люблю.

³¹ Там же, с. 397.

— Послушай, — заговорила она... — Ах, Боже мой, **в эту минуту** я не стану лгать перед тобой. Дорогой мой, я ведь все это обдумала и взвесила. Положим, ты отказался... В этом случае мужа почти наверняка не допустят к экзаменам... Между тем, если бы вы на самом деле стрелялись, то тут было **нечто героическое, сильное... Потом... после дуэли... ты бы мог, если хочешь и извиниться...** Ну, это уж твое дело.

...Ромашов почувствовал, как между ними незримо проползало **что-то тайное, гадкое, склизкое, от чего пахло холодом на его душу. Он опять хотел высвободиться из ее рук, но она его не пускала.** Стараясь скрыть непонятное, глухое раздражение, он сказал сухо:

— Ради Бога, объяснись прямее. Я тебе все обещаю.

Тогда она **повелительно** заговорила:...

— Вы непременно должны завтра стреляться. Но **ни один из вас не будет ранен.** О, пойми же, **пойми меня, не осуждай меня!** Я сама презираю трусов, я **женщина...** Но ради меня сделай это, Георгий!.. Нет, не спрашивай о муже, **он знает. Я все, все, все сделала.**

— Ты уходишь, спросил Ромашов.

— **Прощай,** — ответила она слабым голосом. — **Поцелуй меня в последний раз.**

...Все лицо Шурочки было мокро от тихих, неслышных слез. Это взволновало и растрогало его... Она вдруг быстро закинула руки ему на шею,... вся прильнула к нему и, не открывая своих пылающих губ от его рта, зашептала, отрывисто и тяжело дыша:

— Я не могу так с тобой проститься... **Мы не увидимся больше. Так не будем ничего бояться...** Один раз... возьмем наше счастье... Милый, иди же ко мне, иди, иди...

— Можно мне проводить тебя? — спросил он, выйдя с Шурочкой из дверей во двор.

— Нет, ради Бога, не нужно, милый...

Она медлила уходить и стояла, прислонившись к двери... Сквозь мрак Ромашов видел, как и тогда в роще, что **лицо Шурочки светится странным белым светом, точно лицо мраморной статуи.**

— Ну, прощай же, мой дорогой, — сказала она, наконец, усталым голосом. — Прощай.

Они поцеловались, и **теперь ее губы были холодны и неподвижны...**³²

И вот он, финал сценария Александры Петровны:

Из рапорта командиру N-ского пехотного полка:

...По команде «вперед» оба противника пошли друг другу навстречу, причем, выстрелом, произведенным поручиком Николаевым, подпоручик Ромашов был ранен в правую верхнюю часть живота... При перенесении подпоручика Ромашова, последний впал в тяжелое обморочное состояние и через семь минут скончался от внутреннего кровоизлияния.³³

Давайте вспомним, как «она засмеялась коротким и злым смешком», и не будем забывать о своем смехе над навязчивыми сомнениями Агафьи Тихоновны, потому что эти сомнения — симптом того, что через несколько лет эта «доброй и тихой» (Агафьи Тихоновны), мечтающая о «трефовом короле», превратится в «каменную защитницу» своих интересов Александру Петровну, которая импульсивно будет хватать из своего мошеннического, убогого, но неоднократно проверенного на опыте прикупа то «двойку червей», то «бубнового туза».

³² Там же, сс. 467-470.

³³ Там же, с. 472.

Все же, на мой взгляд, «Поединок», будет и по печальнее повести о Ромео и Джульетте, и «посильнее, чем “Фауст” Гете».

Литература:

- Н.В. Гоголь, «Женитьба», Собр. соч. в 7 т., т. 4, М. «Худ. Лит.», 1977.
- А. Куприн, «Поединок», Собр. соч. в 6 т., т.2, М. «Худ. Лит.», 1994.
- D. Shapiro, «Autonomy and Rigid Character», Basic Books, NY, 1981.
- К.Г. Юнг, «Психологические типы», М., «Прогресс-Универс», 1995.

Об авторе:

Валерий Мершавка - автор переводов книг:

- [Введение в юнгианскую терапию](#)
- [Комплекс Кассандры. Современный взгляд на истерию](#)
- [Кризис среднего возраста. Записки о выживании](#)
- [Психодрама: вдохновение и техника](#)
- [Сотворить свою жизнь. Поиски своего пути](#)
- [Страсть к совершенству. Юнгианское понимание зависимости](#)